

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'06
ББК 81

В. М. Алпатов
Москва, Россия

V. M. Alpatov
Moscow, Russia

О ДВУХ «ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЯХ» СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ (ЯЗЫК, ИДЕОЛОГИЯ, РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ)

ON TWO “CHILDREN'S DISEASES” OF MODERN LINGUISTICS (LANGUAGE, IDEOLOGY, SPEECH GENRES)

Аннотация. Современная лингвистика характеризуется переносом основного внимания от изучения устройства языка к исследованию его функционирования. Происходит сдвиг от излишней формализации к выдвигению нестрогих и непроверяемых положений. Многим современным функциональным исследованиям свойственны стремление сразу дойти до решения всех проблем без прохождения неустраняемых промежуточных этапов и отсутствие необходимого разграничения понятий. Актуальной остаётся проблема выработки методов исследования.

Ключевые слова: устройство языка, функционирование языка, научная парадигма, метод, этапы исследования, доказательство, мировоззрение (идеология с помощью языка), мировидение (идеология в языке).

Abstract. Modern linguistics is characterized by transfer of attention from the study of linguistic structure to the investigation of its functioning. Substitution of the unnecessary formalization by the advancement of theses that can't be specified and proved is typical. Many modern functional studies try to achieve the solution of all the problems without passing the necessary intermediate stages. These studies do not differentiate the fundamental notions. The problems of the elaboration of the methods of investigation remain actual.

Key words: linguistic structure, functioning of language, paradigm, method, stages of investigation, proof, ideology by language, ideology in language.

Сведения об авторе: Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Место работы: Институт языкознания РАН, директор.

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

About the author: Alpatov Vladimir Mikhailovich. Doctor of Letters, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences.

Place of employment: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Director.

В последние десятилетия в развитии лингвистики происходят заметные изменения. Ещё сравнительно недавно основное внимание уделялось изучению устройства языковой системы, актуальной задачей считалось построение формальных моделей, но сейчас во многих лингвистических школах и направлениях обратились к самой важной и сложной задаче языкознания – изучению функционирования языка. Ранее она исследовалась мало. Замечательные идеи и догадки высказывали в XIX в. В. фон Гумбольдт, в первой половине XX в. Э. Сепир, Л. П. Якубинский, В. Н. Волошинов, но у них не было и ещё не могло быть строгого научного метода. Теперь же «всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики... То, что считалось “не лингвистикой” на одном этапе, включается в него на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным... И каждый раз снятие очередных ограничений даёт новый толчок лингвистической теории,

конкретным лингвистическим исследованиям» [1: 20]. Ведущими направлениями в лингвистике стали прагматика, теория речевых актов, дискурсивный анализ, лингвистика текста, изучение картин мира, речевых жанров и другие. Это происходит во многих странах, в том числе и в СССР, затем в России, где доля данных публикаций среди лингвистических, пожалуй, больше мировой (в США и некоторых других странах процесс сдерживается господством генеративизма).

Сам по себе данный процесс, разумеется, закономерен и необходим. Впервые объектом систематических исследований стали многие важнейшие явления, так или иначе связанные с языком. Мы наблюдаем становление новой лингвистической парадигмы (может быть более чем одной, время покажет). Однако любая складывающаяся научная парадигма проходит через период, когда не все её черты определены, а методы ещё не разработаны. В данном случае это особенно заметно, поскольку резко усложнился сам объект изучения. Идеи и методы структурной лингвистики в основном

сложились за два десятилетия, предшествовавшая ей сравнительно-историческая парадигма от Ф. Боппа до А. Шлейхера прошла аналогичный путь примерно за сорок лет. Но парадигма, исследующая языковое функционирование, в том числе речевую коммуникацию, явно задержалась на раннем этапе.

Как верно отмечает В. В. Дементьев, «современная наука о коммуникации... представляет собой в очень большой степени *конгломерат* идей, подходов, разработок, принципов анализа материала (т.е. человеческой коммуникации) и осуществленных описаний». И «все это вместе составляет обширное... поле, на котором выделяются..., с одной стороны, ряд нетривиальных, содержательных, *красивых* теоретических моделей, с другой – определенное множество образцов... методологически последовательно и непротиворечиво, ярко и остроумно прокомментированного материала» [2 : 31]. А «самыми оригинальными и интересными... оказываются, как правило, чисто дедуктивные, *постулатные* модели, которые могут быть очень «красивы» сами по себе, но при этом не имеют большого отношения к особенностям конкретного материала и возможностям его непротиворечивой оценки» [2 : 42].

Помимо объективных сложностей, как мне представляется, здесь имеется и элемент реакции на предшествующий этап развития науки о языке, черты которого отмечены выше. А. Е. Кибрик, начинавший как структуралист, затем пришёл к выводу: «Далеко не все языковые явления поддаются описанию с помощью правил-предписаний... Все это заставляет усомниться в универсальности алгоритмического способа мышления и строить деятельностьную модель языка на принципе *неполной детерминированности*» [1 : 33]. Однако отказ от алгоритмов и формализмов может приводить к противоположному уклону: в сторону субъективности и непроверяемости построений. А расширение границ науки, безусловно, необходимое, может приводить к отказу от выделения границ вообще.

Среди «детских болезней» новой парадигмы рассмотрю две (разумеется, их много больше). Одна из них, как мне кажется, – «забегание вперёд», стремление перепрыгнуть через необходимые этапы.

Вот, например, одно из положений совсем недавно изданной книги: «*Русской душе*, по данным русских пословиц, фразеологизмов, текстов русской классической литературы, противопоставлено излишне логично-рациональное отношение к жизни» [2 : 17]. Я не утверждаю, что оно неверно, но как его

доказать? Подтверждающие данные пословиц, фразеологизмов, литературных текстов можно без труда предъявить (что В. В. Дементьев и делает), но насколько они представительны? Автор той же книги верно отмечает: «В языке и его отдельных подсистемах,... таких как лексика и идиоматика..., содержится «слишком много» материала, и исследователь вынужден осуществлять селекцию» [2 : 24]. В этом явное отличие «лексики и идиоматики», скажем, от фонологии, где материала много меньше, что позволяло сравнительно легко применять к нему строгие методы. Ясна необходимость отбора фактического материала, для которого нужен разработанный метод, иначе может получиться подгонка под заранее известный результат. И что такое «русская душа», понимаемая, как известно, по-разному?

Здесь имеется некоторое сходство с развитием сравнительно-исторического языкознания в XIX в. и отчасти в XX в. А. Шлейхер в середине XIX в. поставил задачу воссоздания индоевропейского праязыка, которую, как ему казалось, он решил. Но современная компаративистика понимает, что полноценная реконструкция праязыка для столь крупной семьи невозможна сравнением даже большого числа отдельных языков: сначала нужно восстановить праязыки для отдельных ветвей и групп [3 : 186 и др.]. Однако последние начали реконструировать позже, чем индоевропейский праязык, а некоторые реконструкции и сейчас не существуют, что не останавливало индоевропейцев. Например, в итоговой для первого полувека индоевропейских реконструкций книге [4] праславянский язык подменяется старославянским, праиталийский – классической латынью, а прабалтийский – современным литовским [5 : 9]. А это приводило к тому, что материал ряда известных индоевропейских языков (восточнославянские, западнославянские, латышский и пр.) не учитывался при реконструкции.

Сейчас мы видим то же самое в области изучения картин мира или коммуникативных ценностей. Исследователей влекут глобальные проблемы, например, «связь многих собственно коммуникативных моментов с **нравственными** категориями, оценками, оценочной деятельностью», обуславливающими «специфику русской коммуникации» [2 : 8]. Я не хочу отрицать существенности таких проблем и хорошо понимаю чувства и желания В. В. Дементьева. Но сначала надо было бы, во-первых, подробно изучить «собственно коммуникативные моменты» (это автор книги старается делать, но, разумеется, это лишь начальный этап), во-вторых,

разобраться в «нравственных категориях», какового исследования нет у В. В. Дементьева, да и вряд ли он, как и любой другой лингвист, смог бы это сделать.

В. В. Дементьев отмечает то, что лингвисты в данной области следуют двумя путями. Они, «с одной стороны, идут за философами, пытаясь найти в системе языка и корпусе текстов подтверждение или опровержение соответствующих философских положений, с другой – анализируют собственно языковые факты и на их основе формулируют некоторые выводы» [2 : 23]. Первый путь, безусловно, естествен, но вряд ли может быть назван научным; думается, что его следовало бы избегать. Отмечу, однако, что вообще на ранних этапах научных парадигм источником их развития могут быть стимулы, позднее отбрасываемые. Для основателей компаративистики едва ли не главным стимулом было стремление решить через промежуточный этап праязыков самую важную задачу – происхождение языка. Но к 70-м гг. XIX в. лингвисты отказались от всяких таких попыток [4 : 81, 458].

В. В. Дементьев пишет: «Конечно, второй путь представляется во многих отношениях предпочтительнее» [2 : 23], хотя нередко в своей книге идёт по первому пути. Но на втором пути вряд ли пришло время дедуктивных построений, пока что более перспективны ограниченные по масштабам индуктивные исследования, в том числе компаративные. В виде примеров можно было бы назвать сравнительное изучение семантических полей в разных языках группы лингвистов во главе с Е. В. Рахилиной или разрабатываемую тем же В. В. Дементьевым типологию ограниченного числа речевых жанров [6 : 209–245]. Конечно, я понимаю, что в науке нельзя ставить пределы и что даже преждевременная попытка разработать ту или иную проблему может подвинуть науку вперёд. Реконструкцию индоевропейского праязыка в современном её понимании нельзя было создать во времена А. Шлейхера уже потому, что не хватало материала. Но действительность и Шлейхера, и А. Мейе была необходимым этапом в развитии лингвистики. То же может относиться и к современным исследованиям. И всё же следовало бы разобраться в том, на каком этапе лингвисты сейчас находятся.

Другая «болезнь роста», как мне кажется, связана с недостаточным различением изучаемой разнородной проблематики. Коснусь лишь одного вопроса. У недооценённого в нашей науке в качестве теоретика В. И. Абаева в ранней работе 1934 г. есть любопытное разграничение. Он выделял

«идеологию, выраженную в самом языке (как идеологической системе)», и «идеологию, выраженную с помощью языка (как коммуникативной системы)» [7 : 35]. Современного читателя не должно отпугивать непопулярное сейчас слово «идеология»: речь у него идёт не только об идеологии в обычном смысле, но и о бытовых, массовых представлениях о мире («житейской идеологии», по терминологии близкого к нему по идеям В. Н. Волошинова). То есть, в более привычных сейчас терминах, надо различать отражённую в языке картину мира и то или иное мировоззрение, выраженное средствами этого языка.

И сходную идею выдвинул автор предисловия к русскому изданию трудов В. фон Гумбольдта: «Термин „sprachliche Weltanschauung“ Бодуэн де Куртенэ переводит как „языковое мировидение“... Это последнее, на наш взгляд, более адекватно передает гумбольдтовское понятие, нежели „языковое мировоззрение“, так как слово „мировоззрение“ несёт, как известно, и иную смысловую нагрузку» [8 : 12]. То есть предлагается говорить о *мировоззрении* для философских, политических и пр., а также социально-психологических («житейских») взглядов и о *мировидении* для взглядов, обусловленных языком. Можно сопоставить *мировоззрение с идеологией, выраженную с помощью языка*, а *мировидение с идеологией, выраженной в языке*.

Вот пример, с которым столкнулся автор статьи. На семинаре профессора В. А. Успенского в МГУ зашла речь о том, что для выяснения русских картин мира сейчас особо в почёте Ф. М. Достоевский¹. И известный специалист по математической лингвистике А. В. Гладкий сказал, что, вероятно, иная картина мира получилась бы на материале не Ф. М. Достоевского, а М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но ещё был Н. С. Лесков, в отличие от сатирика Щедрина искавший в России праведников, и был Л. Н. Толстой, считавший, что нет единой картины мира; их, по крайней мере, две: неистинная барская и

¹ На исследователей картин мира часто влияет такой фактор, как популярность источника данных. Саратовский университет и сейчас носит имя знатного земляка Н. Г. Чернышевского, но привлекал ли кто-нибудь из саратовских исследователей материал его сочинений? Зато в моде, помимо Достоевского, В. С. Соловьёв и Н. А. Бердяев. Конечно, сама популярность имеет свои причины. Во многих публикациях такого рода явно присутствуют не преодоленное раздражение от недавнего господства материалистического мировоззрения и ориентация на идеалистическую философию.

истинная крестьянская. Какая из этих картин истинна? Та, которая соответствует мировоззрению исследователя? Не будем ли мы подгонять результаты исследования под априорную схему? И какую роль во всём этом играет язык? Где здесь можно говорить о языковой картине мира?

У четырёх русских классиков можно выделить пять картин мира. Но эти картины выражены, прежде всего, с помощью языка. Все эти писатели были носителями одного и того же русского языка более или менее в единой его разновидности, которую принято называть литературным языком, и жили в одно время (родились от 1821 до 1831 года). Три картины из пяти – авторские, «барская» картина у Толстого также известна ему изнутри, крестьянская картина мира реконструирована извне, во многом искусственно. Мировоззрения везде разные, а непосредственная связь с языком очевидна лишь в последнем случае: наблюдаемые писателем крестьяне говорили на других разновидностях русского языка.

И вспоминаются известные слова М. М. Бахтина: «В многоголосом романе Достоевского значительно меньше языковой дифференциации, то есть различных языковых стилей, территориальных и социальных диалектов, профессиональных жаргонов и т.п., чем у многих писателей-монологов: у Л. Толстого, Писемского, Лескова и других. Может даже показаться, что герои романов Достоевского говорят одним и тем же языком, именно языком их автора» [9 : 310]. И выявляемый Бахтиным диалогизм, нацеленность персонажей на идейный спор друг с другом – это всё-таки борьба мировоззрений, а не мировидений, не всегда соотносимая с диалогом в обычном смысле. Среди этих мировоззрений, безусловно, есть и авторское. Но что считать русской картиной мира: совокупность часто несовместимых мировоззрений персонажей или (что делается) мировоззрение автора?

Пожалуй, можно сказать, что Ф. М. Достоевский был великим мастером изображения «идеологий, выраженных с помощью языка», но они в малой степени были выражены в языке, во всяком случае, меньше, чем у писателей, противопоставленных ему М. М. Бахтиным. Я не хочу сказать, что «идеологии, выраженные с помощью языка» (а без его помощи никакие идеологии в широком смысле В. Н. Волошинова – В. И. Абаева существовать не могут), не должны изучаться, они и изучаются социологией, психологией, литературоведением и другим науками. Но как быть с лингвистикой? М. М. Бахтин, как известно, подчёркивал, что диалогизм не может

и не должен изучаться лингвистикой, отделяя от неё особую дисциплину – металингвистику². Но показательно, что эту дисциплину за полвека, прошедшие после издания второго варианта его книги о Достоевском, так никто и не развил. Создаётся впечатление того, что проблематика металингвистики в смысле Бахтина в какой-то степени (какой?) покрывается лингвистикой, но во многом входит в компетенцию наук, для которых язык – материал, но не объект изучения.

Но важен и другой аспект данного различия. «Идеологий, выраженных с помощью языка», принципиально много. Среди них есть индивидуальные, есть разделяемые многими людьми, они могут быть эфемерными, могут быть устойчивыми во времени, но говорить, например, о едином русском мировоззрении никак нельзя (хотя и об этом иногда говорят). Например, нынешние споры о возможности или невозможности единого учебника истории хорошо это показали. Однако на уровне «идеологии, выраженной в языке» (мировидения) общность выявить можно, её и можно назвать языковой картиной мира. Люди разного мировоззрения, если они говорят на одном языке, обнаружат из-за этого в видении мира нечто общее; именно это и имел в виду В. фон Гумбольдт, говоря о «круге», который язык очерчивает вокруг человека.

Картины мира отдельного языка, например, русского, конечно, тоже могут быть разными, но это связано с историческими изменениями в языке и неоднородностью языка в данный момент времени (литературный язык, диалекты и пр.). При разных мировоззрениях языковая картина мира, скажем, у В. И. Ленина и Н. А. Бердяева была той же самой: оба были исконными носителями русского языка, принадлежали к одному по-

² В более ранней работе «Слово в романе» М. М. Бахтин исходил из несколько другой концепции. Он считал, что социальное расслоение языка «определяется прежде всего различием предметно-смысловых или экспрессивных кругозоров, то есть выражается в типовых различиях осмысления и акцентуирования элементов языка, и может не нарушать абстрактно-языкового диалектологического единства общего литературного языка» [10 : 103]. То есть различия в языке могут быть или не быть, но достаточно того, чтобы с помощью языка выражались «предметно-смысловые кругозоры». Здесь отсутствует принципиальное разграничение «идеологии, выраженной в языке» и «идеологии, выраженной с помощью языка», при акценте на последней. Во втором варианте книги о Достоевском такое разграничение появилось. Подробнее см. [11 : 285–287].

колению (разница в возрасте в четыре года вряд ли была существенной) и владели одной и той же нормой. И для лингвистики (не для металингвистики, если она всё же будет построена) важнее то, что объединяло этих людей.

Вот несколько примеров мировидения. Уже общеизвестно, что русскому *рука* соответствуют в английском языке не синонимичные слова *hand* и *arm*. Или для носителей русского языка, и для белых, и для красных, *вода* – нечто единое независимо от температуры, пока она находится в жидком состоянии. Но в японском языке имеются два слова: *мидзу* ‘холодная вода’ и *ю* ‘горячая вода’, для любого японца это две разные сущности. Употребление русского глагола *давать* или английского *to give* не зависит от того, передаётся ли предмет в направлении к говорящему или от него, а в японском языке используются разные глаголы. Таких примеров для любой пары языков можно найти очень много, и необходима их каталогизация.

В современных исследованиях картин мира широко используется материал пословиц. Но чаще всего основное внимание обращается на заключённую в них мораль, относящуюся скорее к мировоззрению (которое может и не разделяться частью носителей языка), чем к мировидению. Но можно ли говорить о единой нравственности для всех носителей того или иного языка (или хотя бы для их подавляющего большинства)? А если она есть, то может ли она меняться при переходе к другому языку? И уж явно она исторически изменчива. Пример А. Я. Шайкевича: мораль, закреплённая в русских пословицах и переносных значениях слов, представляет собаку крайне негативно, отражая традиционное для христианской культуры представление об этом животном как нечистом. Однако можно ли считать, что этот языковой материал обуславливает современные российские представления о собаках? [12 : 16].

Меньше внимания обращается на такой параметр, как количество и частотность паремий. И шире: те или иные номинативные единицы в том или ином языке по-разному связаны с центром и периферией языка, что проявляется также в развитии переносных значений слов, словообразовательных гнезд, фразеологизмов и др. Представляется, что здесь более, чем в морали, отражаются языковые картины мира.

Опять-таки лишь отдельные примеры. В европейских языках много фразеологизмов и пословиц, связанных с отцом и матерью, и без детального статистического анализа

трудно сказать, чего больше. Однако в японском языке они многочисленны лишь для отца, а мать в них практически не представлена, её роль сопоставима с ролью бабушки [13: 90]. В русском языке слова *коза* и *козёл* по всем параметрам занимают отнюдь не периферийное положение в отличие от японского *яги* (без различия пола, буквально: горная овца). Последнее слово изолировано в системе языка и малочастотно (мне пришлось видеть, как целая группа японцев, встретив это редкое для них животное, долго не могла вспомнить его название).

Такие различия проявляются и в системе речевых жанров. В японском языке имеется жанр (или разновидность более общего жанра?) так называемых сезонных писем. Принято в периоды плохой погоды писать родственникам и друзьям письма сочувствия (*мимаи*) по этому поводу: существуют *кантёу-мимаи* ‘письмо сочувствия в связи с наступлением сезона холодов’, *сётёу-мимаи* ‘письмо сочувствия в связи с наступлением сезона жары’ и др., их форма жёстко стандартизована. В русском языке нет подобного жанра, а для вышеприведённых японских слов могут быть лишь описательные эквиваленты.

Многие из таких случаев объяснимы внеязыковыми факторами. В Японии всегда велика была социальная роль отца при незначительной до недавнего времени роли матери. Горная Япония никогда не имела развитого скотоводства, а козы туда практически не ввозились. Климат на японском побережье (где живёт большинство населения) подвержен резким колебаниям, но имеет чётко выделяемые сезоны. Но все вышеуказанные примеры – именно факты языка. И они могут сохраняться при изменениях в обществе: в современной Японии встречаются и женщины-руководители, но специфика женской речи, порождённая неравноправием, сохраняется. А многое с трудом поддаётся экстралингвистическому объяснению. Почему, например, в японском языке такое большое количество звукоподражаний и образоподражаний?

Естественно, подобная специфика выделяется и в русском языке, но нередко её трудно увидеть с позиции «изнутри», необходимо сопоставление с другими языками. И, разумеется, от анализа такого рода фактов трудно дойти до обобщений вроде «русской душе противопоставлено излишне логично-рациональное отношение к жизни» и до нравственных категорий.

И ещё один аспект проблемы. Английский социолингвист – неомарксист Н. Ферклу выделяет два вида власти, связанных с язы-

ком: власть в дискурсе и власть за дискурсом. Это разграничение напоминает разграничение В. И. Абаева, но «власть за дискурсом» – прежде всего, языковая политика (в том числе стандартизация языка, борьба с диалектами и пр.). Но «власть в дискурсе» – это как раз воздействие на слушающего (читающего) с помощью языковых средств. Обращается внимание на такие возможности косвенного идеологического воздействия, как использование в качестве синонимов не синонимичных слов, гипонимия, эвфемизмы, некорректное использование категорической модальности, номинализация, использование личных местоимений и пр. [14 : 115–129]. Всё это иллюстрируется материалом выступлений М. Тэтчер.

Ещё одна проблема, актуальная и для изучения мировоззрения, и для изучения мировидения, была когда-то (в статье 1948 г.) поставлена тем же В. И. Абаевым. «Каждый раз может возникать вопрос: является ли вскрытая анализом идеосемантика³ *актуальной, живой* или же *отжившей*, т.е. отвечает ли она нынешним, действенным и в данный момент нормам познания и мышления, или она отражает нормы более или менее отдаленного прошлого и до нашего времени потускнело, выветрилось? Ответ на этот вопрос оказывается далеко не легким» [7 : 69]. Выше приводился пример с собакой. А тексты русской классической литературы очень хочется использовать: считается, что такой писатель, как Ф. М. Достоевский, отражает «русскую душу» на все времена. Но всё же эти тексты написаны более столетия назад, с тех пор в стране и в языке слишком многое изменилось.

Расстояние между отдельными фактами языка или речевого поведения и русской (американской, японской, табасаранской и т.д.) душой вряд ли меньше, чем между фонетическими соответствиями родственных языков и происхождением языка. Последнее, кстати, и в современной науке активно изучается, о чём хорошее представление даёт книга [15]; однако среди теоретически возможных путей движения к происхождению языка ретроспективный путь от известных языков через праязыки оставлен. Стремление дойти до сути двигает науку вперёд, но перепрыгивание через необходимые этапы и смешение разнородных явлений делает многие исследования быстро устаревающими. И всё же остаётся надежда, что «детские болезни» функциональной лин-

гвистики будут постепенно преодолены и будут выработаны если не математические, то хотя бы убедительные и проверяемые методы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
2. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры. Категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.
3. Старостин С. А., Бурлак С. А. Сравнительно-историческое языкознание. 2-е изд. М. : Академия, 2005. 432 с.
4. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. ; Л. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1938. 510 с.
5. Алпатов В. М. Книга А. Мейе глазами некомпаративиста // Вопросы языкознания. М. : Наука, 2010. № 6. С. 3–15.
6. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
7. Абаев В. И. Статьи по теории и истории языкознания. М. : Наука, 2006. 150 с.
8. Рамшвили Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. С. 5–33.
9. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худож. лит., 1972. 470 с.
10. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследование разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.
11. Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2005. 432 с.
12. Шайкевич А. Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Московский лингвистический журнал. № 8/2. М. : Изд. центр РГГУ, 2005. С. 5–21.
13. Гуревич Т. М. Человек в японском лингвокультурном пространстве. М. : МГИМО, 2005. 201 с.
14. Fairclough N. Language and Power. L. ; N. Y. 1989. 151 p.
15. Бурлак С. А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М. : Астрель ; CORPUS, 2011. 464 с.

REFERENCES

1. Kibrik A. E. *Ocherki po obshhim i prikladnym voprosam yazykoznanija* [Essays on General and Applied Problems of Linguistics]. Moscow, 1992. 336 p.
2. Dementyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, 2013. 336 p.
3. Starostin S. A., Burlak S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie* [Comparative-Historical Linguistics]. 2nd. ed. Moscow, 2005. 432 p.

³ Идеосемантикой В. И. Абаев называл изучение «идеологии, выраженной в языке».

4. Meillet A. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoeuropejskikh yazykov* [Introduction to the Comparative Study of the Indo-European Languages]. Moscow, 1938. 510 p.
5. Alpatov V. M. Kniga A. Meje glazami nekomparativista [The Book of A. Meillet. Sight of a linguist who is not Comparativist]. *Voprosy Yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. Moscow, 2010, no. 6, pp. 3–15.
6. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Genres]. Moscow, 2010. 600 p.
7. Abaev V. I. *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniiya* [Articles on Theory and History of Linguistic]. Moscow, 2006. 150 p.
8. Ramishvili G. V. Vil'gel'm fon Gumbol'dt – osnovopolozhnik teoreticheskogo yazykoznaniiya [Wilhelm von Humboldt – Founder of the Theoretical Linguistics]. Humboldt W. von. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, 1984, pp. 5–33.
9. Bakhtin M. M. *Problemy poehtiki Dostoevskogo*. [Problems of Poetics of Dostoyevsky]. Moscow, 1972. 470 p.
10. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i ehstetiki: issledovaniya raznykh let* [Problems of Literature and Aesthetics: Works of Different Years]. Moscow, 1975. 504 p.
11. Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, 2005. 402 p.
12. Shaekevich A. Ya. Russkaya yazykovaya kartina mira v ryadu drugikh kartinok [Russian Linguistic Picture of World among Other Pictures]. *Moskovskiy Linguisticheskii Zhurnal* [Moscow Linguistic Journal]. No. 8/2. Moscow, 2005, pp. 5–21.
13. Gurevich T. M. *Chelovek v yaponskom lingvokul'turnom prostranstve* [Person in Space of the Japanese Linguistic Culture]. Moscow, 2005. 201 p.
14. Fairclough N. *Language and Power*. London; New York, 1989. 151 p.
15. Burlak S. A. *Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy* [Origin of Language. Facts, Investigations, Hypotheses]. Moscow, 2011. 464 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике